

«Зеленый фургон» Александра Козачинского. Мы хорошо помним этот фильм, даже два фильма – экранизацию 1959 года и двухсерийный 1983 года. Планировал снять «Зеленый фургон» на Одесской киностудии Владимир Высоцкий, даже начал писать сценарий. Его наброски хранятся в фондах Одесского литературного музея.

Но то ли дело – книга, язык автора: «У вокзала и вокзального скверика война принимала неизменно позиционный характер. Орудия били по зданию вокзала прямой наводкой. После очередного штурма на месте больших вокзальных часов обычно оставалась зияющая дыра. Одесситы очень гордились своими часами, лишь только стихал шум боя, они спешно заделывали дыру и устанавливали на фасаде вокзала новый сияющий циферблат. Но мир длился недолго; проходило два-три месяца, снова часы становились приманкой для артиллеристов; стреляя по вокзалу, они между делом посылали снаряд и в эту заманчивую мишень. Снова на фасаде зияла огромная дыра, и снова одесситы спешно втаскивали под крышу вокзала новый механизм и новый циферблат».

А характеристика пригородных бандитов? «Были села, где жили виноделы, огородники, гончары, шпорники, брынзодельцы, рыбаки, столяры, шинкари, – и даже села, где жили одни только музыканты, разъезжавшие по свадьбам и крестинам. Были села, особенно поближе к Одессе и по Днестру, где жили бандиты. Бандиты были из немцев и болгар, из евреев и молдаван, из украинцев и греков, из мирного и немногочисленного племени караимов».

Увлекались приключениями Володи Патрикеева и Красавчика. Но жизнь Козачинского была, пожалуй, еще более необычной, чем жизнь его героев. Он прожил неполных сорок лет – гимназист, футболист, милиционер, бандит, арестант, журналист, фотограф. Родился в Москве, детство и юность провел в Одессе, затем Москва и бесконечные санатории для туберкулезников в Крыму, смерть в эвакуации, в холодном Новосибирске. Мать, пережившая сына, бережно хранила его архив.

А в начале нового, XXI века этот архив попал в Одессу. Его приобрел страстный любитель «Зеленого фургона» и коллекционер Михаил Пойзнер. И долго сортировал и разбирал рукописи, фотографии, документы. С самого начала Михаил задумал сделать большую книгу на основе архива. Работа длилась долго, в итоге приняли решение – разбить на два тома. В первый вошли тексты, опубликованные при жизни автора, – «Зеленый фургон» и не столь широко известные рассказы о летчиках, водевиле «Могучее средство» и последний рассказ «Фоня» (о неудачливом провинциальном воре, укравшем из музея вместо картины огнетушитель).

Второй том – «Александр Козачинский: Жизнь и судьба» с географическим подзаголовком «Одесса. Севериновка. Москва. Новосибирск».

В него вошли статьи людей, очарованных Козачинским – самого Михаила Пойзнера, Натальи Панасенко, которая много лет работала с уголовным делом Козачинского, доцента Портлендского университета Кассио де Оливейра и автора этих строк.

Самое ценное для биографов писателя, и, смею надеяться, не менее интересное для обычного читателя – документы, письма и наброски Козачинского. То, что еще никто не читал.

Опубликованы большие фрагменты из уголовного дела Козачинского, воспроизведенные репринтом. И уже понятно, что часть пережитого войдет в «Зеленый фургон». Как и то, что вопреки установившемуся мнению,

Алена Яворская

«У этого писателя веселый глаз»

не Евгений Петров, а сам Козачинский был прототипом Володи Патрикеева. Впрочем, как и Красавчика. Един в двух ипостасях. И обе ему хорошо известны.

В этом же деле и первое дошедшее до нас литературное произведение Козачинского. Протокол допроса от 4 октября 1922: «В отношении приключений и опасностей судьба не была скупа ко мне, она щедрой рукой рассыпала их на коротком пути моей жизни. Полный презрения к себе за нравственное несовершенство мое, презирая людей, судьба которых до недавнего времени была тесно связана со мной, без надежды на будущее, но не имея мужества совершенно отказаться от него, пишу не признание, а искренний рассказ, который, надеюсь, не раскучит читателя, о впечатлении на последнего я не думаю».

– Месяцев 5 или 6 тому назад, я, движимый желанием «придаться» себе парочку лошадок, направил стопы свои в с. Бициловку, где стоял Ветеринарный лазарет 51 дивизии, предмет особого внимания, заботливости, фаворит наш и источник благополучия. В древности Господь Бог послал бедным евреям манну небесную; для нас, бедных бандитов, он всеобъемлющую благодатью создал Ветеринарный лазарет.

<...> Орлов превзошел все мои ожидания; он говорил так горячо и убедительно, приводил так много фактов, что Иуда уверовал бы, а Клеопатра ступила бы на путь добродетели.

<...> Для меня настала скверная полоса; целыми днями я сидел по кукурузам и канявам, испытывая голод, холод и жажду; половник (половник – сарай или единица измерения для молочного хлеба – ред.) мне казался царскими чертогами».

Приговор, затем одесский ДОПР (сохранился портрет Козачинского, сделанный там), а затем – письма.

И они удивительно много говорят об этом человеке больном смертельной болезнью, но не сломленном. Письма самого Козачинского, даже те, где он жалует на болезнь или трудный быт, полны иронии.

Он пишет Льву Славину, которому послал для рецензии рукопись «Зеленого фургона»: «Если бы письмо Ваше состояло из одних критических замечаний, то и тем бы я был бы весьма доволен, как бывает, вероятно, довольна Ваша женщина, когда Вы, немного ворча, поедаете ее преобремененные начинкой пироги. Но кроме замечаний письмо Ваше содержало похвалы столь лестные, что у меня с непривычки наверное закружилась бы от них голова, если бы я не находился все время в горизонтальном положении».

А о работе над повестью можно узнать из его писем Евгению Петрову (они хранятся в фондах

Одесского литературного музея). Из этих писем понятно, как он тосковал по Одессе. Козачинский пишет Льву Славину:

«Завидую Вам и Вашему другу – вагоновожатому. Большой Фонтан – как раз то место на земном шаре, где мне больше всего хотелось бы быть. Детство мое проходило на 16 станции, на даче Измайлова, и я помню, что больше всего мне хотелось тогда стать вагоновожатым».

Неужели до сих пор существуют настоящие большефонтанские рыбаки? Есть ли еще и «Золотой берег», маяк, башня на даче Ковалевского, театр Лигиной (театр на 16-й станции, открывшийся в 1906 году – ред.), ресторанчик на 16 станции?»

Нашим соседом по даче из года в год был Семен Юшкевич. Помню, что я с непонятным мне сейчас садизмом избивал его маленькую девочку, что омрачало служебные отношения моей матери, служившей в «Одесском листке».

А последние письма, из Новосибирска, адресованы Александре Бруштейн. Видно, как тяжело, нищенски он жил. Краткий момент счастья и сытости в госпитале:

«Дорогая Александра Яковлевна! Если бы Вы увидели меня сейчас в байковом халате, из-под которого выглядывают носки и казенные тапочки, Вы приняли бы меня за одного из тех рядовых бойцов, которым Вы читаете по субботам отрывки из «Аси»».

«Дорогая Александра Яковлевна! Если бы Вы увидели меня сейчас в байковом халате, из-под которого выглядывают носки и казенные тапочки, Вы приняли бы меня за одного из тех рядовых бойцов, которым Вы читаете по субботам отрывки из «Аси»».

Итак, пишите. Приедете в Москву, а под мышкой у Вас роман. Очень весело. Потом пойдут рецензии. «Еще одна халтура» или «Души А. Козачинского». И Вы сразу поймете, что жизнь устлана не розами, а граммофонными иголками и дынными корками».

Итак, пишите. Приедете в Москву, а под мышкой у Вас роман. Очень весело. Потом пойдут рецензии. «Еще одна халтура» или «Души А. Козачинского». И Вы сразу поймете, что жизнь устлана не розами, а граммофонными иголками и дынными корками».

Это начало. А одно из последних писем, полученных Козачинским от Александры Бруштейн уже в Новосибирске, сообщает о смерти Марины Цветаевой: «В Чистополье приехала поэтесса Марина Цветаева (одно время была в эмиграции, но получила разрешение вернуться и вернулась, – уже давно), – она попала в какую-то страшную глушь, где ей очень плохо, и поэтому приехала в Чистополье просить писателей помочь ей прописаться там, где она будет хотя бы среди товарищей-писателей. Тренев и другие думали, гадали – и отказали ей, как бывшей эмигрантке. Она возвратилась в ту глушь, откуда они не дали ей выкарабкаться, – и повесилась».

В письме Льву Славину Козачинский писал о начале работы над новой повестью: «Сейчас я по-прежнему пишу повесть об Одессе, кот. начал еще в прошлом году. Написал листа 2½, будет около 7. Это – о мальчиках, которые хотели взорвать гимназию. Называется она «Гремучая ртуть», дело происходит в 1919 году. Работа эта доставляет мне большое удовольствие – потому что это об Одессе и еще потому, что под видом мальчишеским я пытаюсь изобразить наших знакомых – Женю Петрова, Ньюму – брата Мафа, самого Мафа и других. Оказалось, что каждый из них обладает таким богатством литературных черт, что буквально ничего не приходится докладывать от себя».

От повести остались лишь отдельные наброски. Здесь, в отличие от «Зеленого фургона», по-прежнему романтическая нотка: «Обаяние сестер Подлесных распространялось на значительный район города, границы кото-

кажется, скоро будут печатать в «Известиях» в отделе «Котировки иностранной валюты». Что делается на узкой полоске земли (которая) называется Гаграми? В каком здании помещается санаторий, где Вы прогуливаетесь в голубом халате? Отчего бы Вам, пользуясь свободным временем, не написать а) роман из жизни, б) воспоминания о себе в) еще что-нибудь интересное? Это было бы вполне уместно. Человечество этого ждет. Не откладывайте. Пишите. Начать можно так:

кажется, скоро будут печатать в «Известиях» в отделе «Котировки иностранной валюты». Что делается на узкой полоске земли (которая) называется Гаграми? В каком здании помещается санаторий, где Вы прогуливаетесь в голубом халате?

Отчего бы Вам, пользуясь свободным временем, не написать а) роман из жизни, б) воспоминания о себе в) еще что-нибудь интересное? Это было бы вполне уместно. Человечество этого ждет. Не откладывайте. Пишите. Начать можно так:

«В тот поздний час, когда в городе тухнут электрические лампы и у всех подъездов прощаются влюбленные, я (или он, например, Авель Ливиафьян) вышел из дому...»

И так далее. Уверю Вас, это не так трудно и вовсе не противно. Назвать можно так: «Возвращение» или «Похищение» или «Еду ли ночью по улице темной». Как Вы ни назовете, все будет хорошо.

Итак, пишите. Приедете в Москву, а под мышкой у Вас роман. Очень весело. Потом пойдут рецензии. «Еще одна халтура» или «Души А. Козачинского». И Вы сразу поймете, что жизнь устлана не розами, а граммофонными иголками и дынными корками».

Итак, пишите. Приедете в Москву, а под мышкой у Вас роман. Очень весело. Потом пойдут рецензии. «Еще одна халтура» или «Души А. Козачинского». И Вы сразу поймете, что жизнь устлана не розами, а граммофонными иголками и дынными корками».

Итак, пишите. Приедете в Москву, а под мышкой у Вас роман. Очень весело. Потом пойдут рецензии. «Еще одна халтура» или «Души А. Козачинского». И Вы сразу поймете, что жизнь устлана не розами, а граммофонными иголками и дынными корками».

Итак, пишите. Приедете в Москву, а под мышкой у Вас роман. Очень весело. Потом пойдут рецензии. «Еще одна халтура» или «Души А. Козачинского». И Вы сразу поймете, что жизнь устлана не розами, а граммофонными иголками и дынными корками».

Итак, пишите. Приедете в Москву, а под мышкой у Вас роман. Очень весело. Потом пойдут рецензии. «Еще одна халтура» или «Души А. Козачинского». И Вы сразу поймете, что жизнь устлана не розами, а граммофонными иголками и дынными корками».

рого приблизительно совпадали с треугольником. Если соединить воображаемой линией Третью, Четвертую и Пятую гимназии, получился бы треугольник.

Розовый домик, где проживали сестры Подлесные, находился ближе к вершине треугольника, то есть к третьей гимназии, и потому обаяние сестер здесь чувствовалось сильнее, чем где-либо.

В каждую из сестер влюблялись гимназисты соответствующих по возрасту классов: седьмого и восьмого – в старшую, Александру, пятого и шестого – в Оксану, третьего и четвертого – в Натальку.

И даже пригостили иногда влюблялись в сестер, преимущественно в нарушение установленного порядка – в старшую, Александру».

Сохранился и впервые опубликован и сценарий фильма «Первый выстрел». Вначале, в 1940, была задумана экранизация «Зеленого фургона». Но потом от Козачинского потребовали воспеть будни угрозыска и показать «издыхание преступного мира». От первоначального текста остались лишь имена героев.

Утешали Козачинского рецензии на «Зеленый фургон» и восторженные письма читателей: «Ранг творческого дарования и писательского уровня Козачинского – не ниже, чем автора «Хулио Хуренито», не ниже, чем авторов «Золотого тельца» и «Двенадцати стульев». Возможно, он поднимется и выше, при надлежащей поддержке и творческом досуге».

А лица читателей и просто обычных людей можно увидеть на фотографиях, сделанных Козачинским. Летчики, старики, дети, отдыхающие на пляже, рыбаки, студенты. Контрасты – древние башни Сванетии и современные индустриальные пейзажи. Но самая выразительная фотография – маленькая фигура Ильи Ильфа у гигантского плаката с изображением Сталина. Ильф стоит на фоне сапога.

Отдельной истории заслуживает рассказ о том, как, благодаря настойчивости Михаила Пойзнера была найдена могила Козачинского. И восстановлен памятник благодаря неравнодушным людям из Одессы и Новосибирска. После выхода книги Михаил Пойзнер подарил архив Александра Козачинского Одесскому литературному музею. Дар щедрый и бесценный.

В 1940 году один из критиков написал об авторе «Зеленого фургона»: «А. Козачинский по-моему увидел Одессу и одесситов и написал о них так, как мог написать только он... Да, много раз описаны эти улицы, и море, и бандиты, – но вот к ним снова обратился подлинный художник, и они предстали перед нами своей неповторимостью. Такова сила подлинного искусства, произведением которого является «Зеленый фургон». Время подтвердило эти слова».